

Глава вторая

МОЩЬ ЯПОНИИ И ЕЕ МЕСТО В МИРЕ

Выдвигая те или иные внешнеполитические цели, руководители государственной политики учитывают возможности своей страны в их достижении. В свою очередь, возможности зависят от мощи или военно-экономического потенциала государства и его места в мире. Взаимосвязь между целями и возможностями их достижения очевидна. Но это не простая взаимосвязь, а диалектическая — ей присущ антагонизм: достижение цели означает ее уничтожение (исчезновение) и одновременно увеличение возможностей; цели же, сформулированные без учета реальных возможностей как своей страны, так и других стран, потенциальных противников, в процессе реализации ведут к напрасной расстрате ресурсов, принимающей формы или уменьшения возможностей, или, как крайний вариант, полного их уничтожения. История человечества дает немало примеров как первого, так и второго случаев. Причем чаще всего просчеты вызываются в определении не столько количественных военно-экономических параметров, сколько качественных. Так, для правящих кругов капиталистического мира недооценка классовых соотношений внутри страны и на международной арене фактически стала почти нормой.

Кроме того, при выработке внешнеполитических целей у политических лидеров империализма возникает немало трудностей в понимании явлений, которые обозначаются терминами «мощь», «сила», «возможности», «место», «роль». В значительной степени это связано с тем, что буржуазные теоретики-политологи, запутавшись в терминологической символике, не могут точно определить ключевые понятия теории международных отношений¹. А без правильного научного представления об этих понятиях и категориях невозможно реально оценивать собственный потенциал и соотношение сил в мире. Нам еще придется вернуться к терминологическим проблемам, однако предварительно целесообразно разобраться в различной интерпретации правительственными кругами Японии ее мощи и места в мире. При этом на данной стадии анализа не имеет значения, в истинном или искаженном свете воспринимают они свои возможности и ситуацию на мировой арене². Важно то, что именно их понимание, их трактовка миропорядка, которые могут быть и неадек-

ватными реальности, оказывают влияние на выработку внешне-политических целей (отрыв от реальностей, искажение стереотипов сказывается позднее, на стадии осуществления политики).

Место Японии в мире в свете теорий «многополярности»

Мышлению политических деятелей капиталистических стран и в целом буржуазной политологии свойственна идентификация понятий мощи и возможностей, места и роли в качестве производных сил государства. В свое время эту идею теоретически обосновал патриарх американской школы «политического реализма» Г. Моргентхау³. Его последователи не мыслят себе нахождение «истины» в политике без предварительного понимания «истинной» сути категории силы.

Именно постулаты теории «силы» в американском варианте получили впоследствии широкое распространение сначала в Западной Европе, а затем и в Японии. Они же легли в основу ставшей в начале 70-х годов популярной и даже доминирующей концепции «многополярности», или «многополюсности», призванной объяснить структуру международной системы. Основополагающим тезисом представителей этой концепции выступает утверждение о том, что «биполярная структура» мировых отношений в 50—60-е годы превратилась в 70-е годы во «многополярную». В советской литературе дан довольно подробный анализ «многополярных» теорий американцев и западноевропейцев. Советский ученый Г. Х. Шахназаров выделяет стержневую основу этой «державной» теории, заключающейся в попытке идеологизировать международные отношения⁴. В меньшей степени советские ученые исследовали японские взгляды на «многополярность». И хотя по своей классовой сути последние мало чем отличаются от взглядов их коллег на Западе, тем не менее некоторые нюансы и дополнения в данную концепцию они внесли.

Впервые о «многополярности» официальные лица в Японии заговорили в 1972 г. На 68-й сессии парламента (январь 1972 г.) министр иностранных дел Т. Фукуда, характеризуя международную обстановку, сложившуюся в 1971 г., указывал: «Послевоенный мировой порядок переживает ныне одно из крупнейших изменений. Оно заключается в переходе от противоречий между Востоком и Западом к современной многополярности»⁵. Министрство иностранных дел Японии, обычно излагающее свою позицию в «Голубых книгах», в том же году так конкретизировало эти «полюса»: «Произошел переход от эпохи взаимоотношений на основе соперничества и сосуществования между великими державами США—СССР к эпохе противоречий и диалогов между США—СССР—КНР»⁶. Примечательно, что в тот момент политические деятели страны не выделяли еще Японию в самостоятельный полюс на глобальном уровне⁷. Не спешили они

этого сделать и после нормализации японо-китайских отношений в 1972 г.— акт, расцененный политологами и международниками как проявление самостоятельности Токио в отношении Вашингтона. Так, близкий к правительственным кругам внешнеполитический обозреватель Т. Сигэмори писал: «В результате нормализации японо-китайских отношений Япония, хочет она того или нет, оказалась глубоко втянутой в игру „трех полюсов“ — США, СССР, КНР»⁸. Выделение Японии в «полюс» или «центр» глобального масштаба происходит в конце 1973 г. Причину такой «запоздалости» коренится в том, что Япония, по мнению участников симпозиума (1973 г.) в Хаконэ, посвященного проблемам мира и безопасности в Азии, свои «полюсные» качества проявила в связи с арабо-израильской войной 1973 г., впервые заняв позиции, идущие вразрез с политикой США на Ближнем Востоке⁹.

Изменение международной обстановки в направлении «многополярности» объяснялось академическими и политическими кругами различными причинами: одни ученые исходили из деформации политических отношений в рамках США — СССР — КНР, другие корень этих сдвигов усматривали в относительном ослаблении экономических позиций США — СССР при одновременно «экономическом возрождении» Европейского сообщества и Японии, третьи, не упуская из виду названные факторы, учитывали также кризисные явления во внутривосточной и экономической ситуации в капиталистических странах. Профессор Е. Нагаи, например, увязывает причину изменения обстановки к началу 70-х годов с событиями 1968—1969 гг., обозначенными им как «переломный момент». Как известно, эти годы характеризовались антивоенным движением в США в связи с агрессией во Вьетнаме, кризисом доллара и разрушением валютно-финансовой системы в зоне «свободного мира», небывалым размахом социальных выступлений во Франции.

Не все японские аналитики соглашались с подобной «горизонтальной» структурой международных отношений. Некоторых из них смущал факт военного превосходства США и СССР над другими «полюсами». Это заставляло вносить дополнение в «многополюсную» теорию. Профессор Х. Ханан, один из крупнейших теоретиков в области международных отношений в Японии, пытался избежать противоречия путем дробления полюсной структуры по «вертикали». Он исходил из того, что «многополюсность» характерна для экономических и политических отношений, в военной же сфере сохраняется «биполярность»¹⁰.

Однако более «теоретизированный» и, пожалуй, более интересный вариант толкования международной структуры на начало 70-х годов дает японский ученый-системник, профессор университета «Тюо». С. Такаянаги. Его подход весьма близок к идеям американских ученых С. Хофмана и Т. Ногри, работы которых разобраны в советской критической литературе. Но японский ученый вносит в эти идеи свои дополнения. Во-первых. Та-

каянаги в отличие от большинства западных международников четко различает понятия «международная система» («кокусай систэму») и «мировая система» («сэкай систэму»). Для первого из них, по его мнению, характерно взаимодействие национальных государств в качестве основных субъектов политики, второе понятие более широкое, оно охватывает отношения не только между государствами, но и между международными организациями (профсоюзы, транснациональные компании и т. д.). Вторых, японский ученый исходит из того, что термин «международная обстановка» («кокусай канкё») обладает не только пространственно-географическими признаками, отражающими структуру системы, но и вбирает в себя качество структуры, ее социальное содержание. Противостояние Востока и Запада, по его мнению, фактически означает противостояние между «революцией и контрреволюцией»¹¹. На этом участке анализа С. Такаянаги вплотную подошел к пониманию основного противоречия современности, а следовательно, и к осознанию движущей пружины развития международных отношений: борьбы между социализмом и капитализмом. Однако эта идея ускользает, как только он переходит к исследованию теории «многополярности». Опираясь на принцип взаимосвязи и взаимозависимости «международной и мировой системы», он полагает, что даже более гибкая концепция «военной биполярности», «политической трехполюсности» и «экономической пентаполярности» не может объяснить сложности международных отношений, так как эта теория фиксирует наше внимание на «полюсе», в то время как «в системе *международной политики*» имеется, по существу, множество измерений. Игнорирование этих измерений, по мнению С. Такаянаги, означает «превращать реальные политические явления в упрощенную абстракцию и привносить искажения в анализ сложной действительности». Сам же он полагает, что «биполярность» сохранила себя и в 70-е годы, только она приняла скрытые черты, выступая в виде «молчаливой биполярности». Ход его рассуждений следующий. Установление взаимного ядерного паритета между США и СССР сдерживает противоборство этих двух держав, так как разрешение противоречий между ними с использованием ядерного оружия привело бы к самоубийству. «Даже применение обычной военной силы не дает выгоды для сторон», — отмечает ученый. Но поскольку ядерное равновесие не привело к сотрудничеству между «сверхдержавами» на основе партнерства, то «молчаливая биполярность» сохраняет свою силу и особенно проявляется в критических ситуациях. Вместе с тем соперничество между США и СССР, которые не могут использовать военную силу, в том числе и ядерную, дает возможность другим государствам более активно участвовать в международной политике. Это обстоятельство дополняет горизонтальную «скрытую биполярность» вертикальным «полицентризмом». «То, что называют *явлением многополярности*, — это не что иное, как теория, указывающая на

иерархичность политики полицентрического характера», подтверждающаяся, по мнению автора, такими факторами, как сильный антиамериканизм Франции, трения в американо-японских отношениях, антагонизм между СССР и КНР и т. д.¹²

Здесь взгляды японского ученого почти ничем не отличаются от подхода американских политологов С. Хофмана и Т. Ногри. Но он идет дальше их. С. Такаянаги полагает, что на мировую систему помимо государств влияют и другие факторы, в результате чего океан мировой политики бороздят, по его мнению, три крупных лайнера: на одном из них расположились государства, на другом — международные организации, на третьем — транснациональные компании. Признавая в качестве центрального звена отношения между государствами, он убежден, что картина международной жизни, заключающаяся в «перераспределении ценностей», складывается из взаимодействия всех ее участников, включая и негосударственные субъекты политики.

Безусловно, данная версия обладает большими достоинствами, нежели предыдущие варианты, однако и ей присущ один существенный недостаток. Как и всем направлениям теоретических изысканий западной политологии, в ней не хватает понимания истоков этого «перераспределения ценностей», истоков борьбы за эти ценности и классовой природы этой борьбы. Формально адепты теории «многополярности» вроде бы правы. Действительно, после второй мировой войны и до конца 50-х годов система социализма противостояла более или менее единому фронту империализма, что определило существование биполярной системы международных отношений. Отход тогдашних руководителей КНР от единой линии социалистических стран, ослабление роли США в международных делах, обострение межимпериалистических противоречий в связи с усилением таких центров капитализма, как Япония и Западная Европа, привели к системе многополярной дипломатии, что придавало более сложный характер противоборству двух систем на мировой арене, хотя вовсе не изменило его изначальной классовой сути, а также того факта, что главная линия мировых противоречий проходит между социализмом и капитализмом и что в конечном счете видимая политическая «многополярность» по-прежнему сводится к социальной «биполярности» мира. В самом деле, при всех противоречиях между США, Японией и Западной Европой у них существует достаточно определенное единство в вопросе борьбы с мировым социализмом.

Политические и академические круги Японии высоко оценили образование «многополярной» системы к началу 70-х годов. По словам Т. Фукуда, она позволяла «средним странам» в большей степени «обеспечивать собственные государственные интересы»¹³. Аргументированно эту идею изложил Х. Ханай. По его мнению, блоковая система служила целям лидеров каждого лагеря, т. е. США и СССР, в ущерб государственным интересам их союзников. Причем в основание этих целей были заложены глав-

ным образом идеологические мотивы, наносящие вред развитию экономических связей средних и малых стран, входящих в противостоящие блоки. Переход к «безблоковой системе» уменьшает зависимость членов блока от их лидеров и дает возможность им проводить более самостоятельный курс. В результате, пишет Х. Ханай, «собственные государственные интересы этих стран становятся более важными, нежели интересы блока». Примером подобного поведения он считает действия Китая и стран Западной Европы (но не Японии!), «которые, хотя и придерживались собственной идеологии, в то же время нацеливали свою внешнюю политику на обеспечение государственных интересов». Следовательно, делает вывод автор, «США и Советский Союз были не в состоянии определять действия акторов своего блока, исходя из идеологического противоборства и пользуясь экономическим и военным превосходством»¹⁴. Именно в данном утверждении, как верно подметил Г. Х. Шахназаров, коренится «сердцевина», главный обобщающий тезис державной теории, которая «возвещает утверждение единой системы международных отношений безотносительно к классовой природе участвующих в ней национальных государств и других политических образований»¹⁵.

Кроме того, нельзя согласиться с буржуазными моделями «биполярности» и «многополярности» также и потому, что они, предполагая участие в решении мировых проблем ограниченного числа государств, пусть даже таких крупных, как США, СССР, КНР, Япония, страны Западной Европы, тем самым снижают или вообще игнорируют роль других государств, в том числе и тех, которые освободились от колониальной зависимости.

Некоторые ученые и политические деятели учитывают данное обстоятельство, дополняя блоковую концепцию по схеме «Восток — Запад» вертикальной схемой «Север — Юг». Особенно большое внимание отношениям по линии «Север — Юг» уделял премьер-министр Японии Т. Мики в середине 70-х годов. Ученый-международник Ф. Камия делал даже выводы, что «если игнорировать развивающиеся государства в качестве акторов мировой политики, то концепция 3-х (США — Западная Европа — Япония) может привести к „краху“ реальной политики этих государств»¹⁶. Хотя это добавление также лишено классового содержания, тем не менее такие «вставки» означают признание места и роли развивающихся государств в системе международных отношений. Правда, только на словах.

Тезис о невозможности добиваться собственных государственных интересов в эпоху «биполярности» не согласуется с реальной политикой Японии в 50—60-е годы. Действительно, высокая степень зависимости Токио от Вашингтона ограничивала самостоятельность Японии на международной арене в угоду не столько «блоковой» политике, сколько интересам США на Дальнем Востоке и в ЮВА. Однако в случаях, когда политические лидеры Японии действительно преисполнялись решимостью отстаивать собственные государственные интересы, они отбрасы-

вали «блоковые» обязательства и действовали вопреки диктату своего заокеанского союзника. Красноречивым свидетельством этого служит нормализация японо-советских отношений в 1956 г. и развитие торговых связей с КНР в первые 20 лет после второй мировой войны.

Что же касается тезиса об исчезновении идеологии в эпоху «многополярности», то он опровергается самой практикой 70-х годов. Отрывать идеологию от государственных интересов это все равно что отрывать интересы от государства. Государственные интересы отражают и одновременно воплощают в себе идеологию господствующего класса и через внешнюю политику «выносятся» на международную арену. По сути дела, борьба двух систем — капитализма и социализма — это в конечном счете борьба двух типов производственных отношений, двух идеологий, буржуазной и коммунистической.

Появление теории «многополярности» в определенной степени было связано с превращением Японии в конце 60-х годов во вторую по экономической мощи державу капиталистического мира и упрочением такого статуса в 70-е годы. То, что Япония — крупная экономическая держава и образует «полюс», с этим согласны, пожалуй, все буржуазные ученые и политики. Страсти разгораются по другому поводу: обладает ли этот «полюс» чертами «великодержавности», т. е. является Япония региональной или глобальной державой. Критерием для определения выступает «сила» того или иного «полюса». Западные международники дают чрезвычайно широкий спектр оценок в ответе на этот вопрос. Крайние точки зрения высказали еще в начале 70-х годов Г. Кан и З. Бжезинский. Первый утверждал, что Япония неизбежно превратится в экономическую и политическую «сверхдержаву», второй отрицал мощь японского гиганта, определяя ее как «хрупкую и недолговечную»¹⁷. Между этими крайностями существует две группы мнений. Первую отстаивают такие ученые, как О. Веггел (ФРГ), А. Бьюкен (Англия), Г. Солсбери, Р. Скалаино (США). Они считают, что поскольку Япония обладает глобальными интересами, постольку она — держава глобальная, продолжая оставаться, правда, «карликом» в военно-политическом плане¹⁸. Другая группа, в частности Р. Клэф, утверждает, что Япония представляет из себя региональную державу в «восточно-азиатской системе США — СССР — КНР — Япония, хотя имеет интересы и за пределами данной системы». Американские ученые П. Мюллер и Д. Росс несколько расширяют зону действия Японии как региональной державы на весь азиатско-тихоокеанский бассейн. Дж. Маки из Массачусетского университета просто утверждает: «Япония — экономический гигант и военный пигмей»¹⁹.

Что же думают сами японцы на этот счет? У них также нет однозначного ответа. В качестве критерия образования «полюса» они, по примеру западных ученых, выделяют экономическую мощь, а пространственные рамки определяют через понятие «ин-

терес». Так, авторы монографии «Япония и Китай» пишут: раз «события, происходящие в США, на Ближнем Востоке и в Западной Европе, в большей степени затрагивают Японию, чем экономическое и политическое развитие в Восточной Азии», значит, Япония — глобальная держава²⁰. Е Нагаи также полагал, что японские экономические интересы носят глобальный, а не региональный характер. Правда, через четыре года он пересмотрел свою оценку, добавив, что, «несмотря на мировое влияние Японии как экономической державы, в качестве субъекта игры в дипломатической стратегии она не является даже региональной державой»²¹. Тем не менее все они так или иначе сходятся в одном: Япония все-таки «полюс», «центр», но весомость этого центра уступает американскому, советскому и даже китайскому. М. Охира в 1972 г. откровенно писал на этот счет: «Хотя и можно говорить о многополюсном мире, отношения между пятью полюсами носят неравноправный характер. Нет нужды говорить, что США, Советский Союз и Китай должны играть самые важные роли и нести большую ответственность в мире»²². В течение всех 70-х годов официальные лица в Токио определяли статус своего государства в категориях региональных, но отнюдь не глобальных. Выступая на заседании Трехсторонней комиссии в Лондоне в марте 1980 г., виднейший японский политический деятель, претендующий на пост премьер-министра, К. Миядзава заявил, что Япония до сих пор «не готова взять на себя глобальную ответственность»²³.

Необходимо обратить внимание на то, что японцы прямо сопрягают место Японии с «ответственностью», т. е. с ролью государства в мире. Ее несоответствие на первый взгляд кажется действительно разительным. А посему стремление привести политическое влияние Японии в мире в соответствие с ее экономическим статусом было главной задачей политических лидеров в 70-е годы.

Здесь, однако, уместно подчеркнуть, что в соответствии с теорией «многополярности» структурообразующими элементами системы международных отношений выступают государства, как бы лишённые классового содержания, причем только такие, которые обладают силовыми или «полюсными» качествами. В результате на одну доску ставятся совершенно различные в социально-экономическом плане страны — США, СССР, КНР, Япония. С точки зрения буржуазного мышления такое видение мира в некоторой степени закономерно, поскольку оно позволяет затушевывать классовые противоречия на мировой арене, и, кроме того, оно соответствует историческому опыту капитализма, в системе которого отношения строились и строятся по «силе», по «капиталу». Свой опыт лидеры империалистических стран переносят и на отношения с социалистическими государствами.

Вместе с тем данная теория в отличие от предыдущей («державной биполярности») имеет некоторые положительные черты. По крайней мере, ее сторонники вынуждены, хотя и в косвенной

форме, признать, что противостояние СССР — США есть концентрированное выражение противоречий двух мировых систем, что в военно-экономическом отношении силы этих двух социально-политических центров уравнивались, что неравномерность развития капитализма приводит к возникновению новых центров в капиталистической системе. А раз так, то единственной альтернативой сосуществования между системами является не военная конфронтация, а политический диалог и экономическое сотрудничество, т. е. то, что в мировой политике получило название принципов мирного сосуществования. Такой подход и был воплощен в реальной политике большинства капиталистических государств в 70-е годы, которые по праву вошли в историю международных отношений как период разрядки и ослабления международной напряженности.

Именно с таких позиций оценивали правительственные круги Японии международную обстановку в 70-е годы. На это указывают выступления последовательно занимавших пост премьер-министра страны К. Танака (1972 — 1974), Т. Мики, (1974 — 1976), Т. Фукуда (1976 — 1978) и М. Охира (1978 — 1980). Последний из них, М. Охира, на 91-й сессии парламента в январе 1980 г., в частности, говорил: «В связи с укреплением независимости всех стран в настоящее время существует тенденция к мультиполярности международного сообщества»²⁴.

Это, кстати, было последнее заявление высшего правительственного чиновника, трактовавшего международную ситуацию в контексте теории «многополярности».

Параметры мощи и определение силы

Очевидно, что нас не могут удовлетворить буржуазные критерии, с помощью которых они выявляют мировые «полюса» и «центры». Однако и отмахнуться от анализа их представлений на этот счет, сославшись на то, что «державная» теория не отражает объективных реалий, поскольку она построена на базе буржуазного мировоззрения, мы также не можем. Хотя бы потому, что центрсиловая теория отражает мышление тех, кто принимает внешнеполитические решения, которые трансформируются в политике. А политика, в свою очередь ставшая элементом международных отношений, превращается уже в объективную реальность. И как совершенно справедливо отмечает В. П. Лукин, «игнорирование этой реальности столь же мало оправдано, как и ее абсолютизация, как стремление построить только на ней, и только на ней, всю современную международно-политическую обстановку»²⁵. Не менее важно и то, что аналогичными терминами пользуется и марксистско-ленинская наука. Понятие «силы», как известно, является ключевым в категории «соотношении сил», а понятие «центры империализма» прочно утвердилось в советской науке о международных отношениях в 70-е годы.

Для того чтобы избежать недоразумений и быть правильно понятым, представляется целесообразным на время отвлечься от Японии и коротко остановиться на терминах «мощь» и «сила». Для начала рассмотрим, как их определяют западные и японские теоретики.

Фундаментальное положение господствующего течения в буржуазной политологии заключается в том, что причиной, детерминантой развития истории человечества является борьба за силу. Но превозносить силу еще не означает ответить на вопрос: что же это такое? Среди политологов, правда, есть некоторое единство в определении функциональной роли силы. По их мнению, она заключается «в способности государства... оказывать влияние на поведение других наций»²⁶. При этом, как пишет Х. Ханай, ссылаясь на Г. Моргентау, «государство не достигнет своих целей, если оно не будет пользоваться силой, хочет оно того или нет»²⁷. Такой подход исключает возможность взаимоотношений между государствами, построенных на иных, несловесных началах. Именно эту точку зрения отстаивает правое крыло американских политологов. Один из его представителей, К. Н. Уолтц, «теоретически» предвосхищая силовую тактику администрации Рейгана, утверждает: «Контроль, а не регуляция как таковая, предупредительная деятельность, а не координация ради позитивных свершений — такова ключевая тенденция. Запрещать использование силы с помощью угрозы ее применения, противопоставлять силу силе, воздействовать на политику государств, угрожая им применением силы, — такими были и остаются средства контроля в вопросах безопасности»²⁸.

Справедливости ради следует отметить, что не все буржуазные ученые разделяют подобную теорию международных отношений. Например, К. Дойч и тот же Х. Ханай указывают, что наряду с силовым взаимодействием существуют и другие формы взаимоотношений, а именно сотрудничество и кооперация. В качестве примера они приводят отношения между США и Канадой, а также взаимосвязи внутри Общего рынка. Можно, конечно, поставить под сомнение доказательность этих примеров, но для нас важно другое: не все буржуазные ученые признают за силой безоговорочный атрибут политики.

Но еще большая путаница возникает у буржуазных теоретиков при попытках определить «элементы» силы и их существенные характеристики. Одни, например Дж. Скотт, «включают» в понятие «сила государства» 12 элементов, в том числе его географическое положение и площадь, природные ресурсы, население (его политическая структура, образование и т. д.), готовность наступательной военной силы и степень активности или пассивности оборонной военной силы, способность государства к оказанию помощи и к отражению необъявленного нападения²⁹. Другие, а их большинство, ограничиваются меньшим количеством компонентов силы (мощи). Так, японский международник С. Сато на-

зывает три: военную мощь, экономическую мощь и гибкую политическую силу³⁰.

Сразу же обращает на себя внимание, что названные элементы отличаются друг от друга по своей сущности и по характеру проявления. Вопрос остается открытым, что они в своей совокупности означают: силу? мощь? или что-то еще? И что такое «гибкая политическая сила»? Более логичен на первый взгляд Х. Ханан. Он выделяет материальные ресурсы страны, добавляет к ним военный потенциал и, используя коэффициент сопоставимости (который сам по себе сомнителен), распределяет государства по их «силе», которой они обладали в 1967—1968 гг.: США, СССР, Китай, Индия, Япония, Англия, ФРГ, Франция, Канада, Бразилия³¹. Один из влиятельных и авторитетных сотрудников Джорджтаунского университета, П. С. Клайн, вводит еще два индикатора — «национальная стратегия» и «национальная воля» — и путем еще более усложненных расчетов дает следующую картину «распределения сил» на середину 70-х годов: СССР — 523 единицы, США — 421, ФРГ — 168, Япония — 144, Иран — 128 единиц³².

Приведенные примеры заставляют усомниться в методике подсчетов «силы» или «мощи», предложенной буржуазными политологами. Сознвая уязвимость подобного подхода, французский социолог Р. Арон пытается выйти из положения с помощью «коэффициента мобильности», который зависит «от многих факторов, но одним из главных, безусловно, является природа внутреннего строя»³³. Действительно, Р. Арон «нащупал» очень важный элемент силы, но как сопоставить силы государств с однородной социально-политической структурой?

Столкнувшись с «неуловимым определением силы», некоторые из теоретиков вообще предлагают отказаться от этого термина. Например, американские ученые Гарольд и Маргарет Спрут считают, что «если бы термин „сила“ был вычеркнут из словаря мировой политики, это могло бы способствовать более ясному пониманию отношений между государствами»³⁴. Именно так и поступает Х. Ханан: он «изгоняет» понятие силы и заменяет его понятиями «мощь» и «влияние». Но вся проблема в том, что это ничего не меняет, поскольку в эти понятия «закладываются» те же элементы, что и в термин «сила».

Конечно, можно было бы обойтись и без употребления слова «сила». Но привычка к нему столь велика, оно так прочно вошло в язык, что вытолкнуть этот термин из научного оборота абсолютно невозможно. Главное все-таки не в слове. Какими бы языковыми символами ни обозначались явления, называемые силой и мощью, важно понять, что скрывается за ними, какую смысловую нагрузку они несут, т. е. необходимо дать им определения. Буржуазная политология, по-видимому, не в состоянии это сделать.

Между тем ответы на эти вопросы были даны около ста лет назад К. Марксом и Ф. Энгельсом. В концентрированной форме

они были изложены Ф. Энгельсом в его работе «Анти-Дюринг» в главе «О насилии». Ссылаясь на К. Маркса и добавляя собственные аргументы, Ф. Энгельс показал, что «различные социальные и политические формы должны быть объясняемы не насилем, которое ведь всегда остается одним и тем же, а тем, к *чему насилие применяется*, тем, что является объектом грабежа, — продуктами и производительными силами каждой данной эпохи и вытекающим из них самим их распределением»³⁵. Насилие, говорил Ф. Энгельс, только меняет владельца имущества, но само ничего не создает. В то же время, хотя насилие и не является источником материальных достижений, оно выступает в качестве средства их сохранения и увеличения путем изъятия у других владельцев. «А чем же поддерживается насилие, армия? — спрашивает Ф. Энгельс. И отвечает: — *Деньгами*. Итак, опять-таки оказывается, что оно зависит от производства». И наконец, что «оказывается „первичным“ в самом насилии? Экономическая мощь, обладание мощными средствами крупной промышленности»³⁶.

Из этих определений вытекает следующее: связь насилия с мощью, зависимость насилия от мощи, мощь — категория экономическая (производство, экономика). Эта категория «очищена» от надстроечных элементов (морали, политики, дипломатии и т. д.). Если поступать иначе, как западные политологи, т. е. в мощь или силу «вводить» и экономику, то невозможно понять, о чем идет речь: о силе или о мощи, или это одно и то же. На самом деле категории мощи и силы хотя и взаимосвязаны, но имеют разные качественные сущности. Мощь — категория экономическая, базисная, сила — политическая, надстроечная. Одно из проявлений силы — насилие, которое «в его организованной форме называется *государством*»³⁷.

При этом необходимо иметь в виду, что экономическая мощь не равна экономической силе. Факт, постоянно наблюдаемый на практике. Например, экономические потенциалы Японии и ФРГ примерно равны. В процессе же внешнеэкономического взаимодействия Япония оставляет ФРГ далеко позади. Более того, экономическая мощь Японии почти в два раза уступает экономической мощи США, а в конкурентной борьбе японский капитал побивает и американские монополии. Такой результат достигается уже не столько за счет экономической мощи (хотя связь, повторяем, безусловно, существует), сколько за счет экономической политики, которую японские монополии ведут более искусно, более изощренно, чем их соперники. Отсюда вывод, что экономическая мощь приобретает силовые черты при «соприкосновении» с политикой, эффективность которой, в свою очередь, зависит от множества надстроечных факторов (от тактики и стратегии экономической борьбы, от степени согласованности между государством и монополиями, от уровня стабильности внутри государства и т. д.).

Так же обстоит дело и с военной силой, которая состоит из военного потенциала (армия плюс техника) и политики. И здесь равные военные потенциалы еще не означают наличия равной военной силы. Победа будет за тем государством, которое сумеет более рационально, искусно распорядиться военной мощью, т. е. опять же сила зависит от политики, в данном случае военной. Мир неоднократно был свидетелем того, как государства, обладавшие меньшим военным потенциалом, побеждали тех, у кого военный и даже экономический потенциал был выше. Уместно напомнить слова В. И. Ленина, сказанные им в 1921 г.: «Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально, — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, — мы сильнее всех»³⁸. В этом высказывании прослеживается идея, что сила — категория политическая и что мощь и сила не прямо пропорциональны. Во взаимосвязанной цепочке: мощь — политика — сила наиважнейшей считается политика. В. И. Ленин ставил вопрос так: «Политика есть концентрированное выражение экономики. ...Политика не может не иметь первенства над экономикой»³⁹.

Дихотомность силы (мощь+политика) обнаруживается и в таких, казалось бы, «чисто» надстроечных явлениях, как идеологическая и политическая сила. Чтобы осуществить идеологическую работу, необходимы людские ресурсы (а значит, и средства на их содержание), а также органы пропагандистского воздействия. В совокупности они образуют потенциал пропагандистско-идеологического аппарата, который, в свою очередь, опять же зависит от экономической мощи. И в этом случае идеологическая сила не равна материальному потенциалу идеологического аппарата: она зависит от самой идеологии, от той идеи, какую она несет в массы: идею войны или мира? социального освобождения или закрепощения? Реакция же масс на эти идеи и будет определять силу той или иной идеологии. Аналогичные взаимосвязи существуют и с силой в политике.

Таким образом, под категорией мощи мы понимаем совокупный экономический потенциал (или ресурс) государства, уровень которого зависит как от естественных факторов (население, площадь, природно-географические условия), так и от социально-экономических отношений в стране. В укороченной формулировке мощь — это материально-техническая база государства.

Измерение мощи не вызывает особых проблем, если только не ставить себе задачу высчитывать «мощь вообще». Румынский ученый С. Брукэн совершенно справедливо замечает в этой связи: «Национальная мощь — это прежде всего сравнительное понятие, так что его параметры и объемы могут быть установлены только в отношениях с другими государствами»⁴⁰. Действительно, категория мощи приобретает значение при сопоставлении экономических потенциалов государств. Но, сравнивая мощь одной страны с мощью другой, мы как бы взвешиваем их по опре-

деленным экономическим параметрам, т. е. выявляем их относительные (но не абсолютные) веса. Следовательно, *вес* государства означает объективную констатацию его сравнительной мощи на международной арене.

Какое именно индикаторы брать за основу анализа веса государства, зависит от той степени точности, с какой исследователь намерен изучить данный вопрос. Многие социологи, как пишут Ф. Бурлацкий и А. Галкин, «пытаются определить международный вес государства, взяв за количественные индикаторы совокупный национальный продукт или другие близкие к нему показатели»⁴¹. Наиболее оптимальный вариант распределения веса по уровню экономической мощи дан, на наш взгляд, в монографии «Типология несоциалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа)» (М., 1976). В качестве индикаторов выступает 31 показатель, и на основе метода главных компонентов выявляется распределение 85 несоциалистических стран относительно друг друга. Но этот путь весьма трудоемкий и требует усилий коллектива ученых, вооруженного знанием математических и кибернетических приемов. Видимо, наиболее целесообразным с точки зрения возможностей одного ученого является анализ тех экономических показателей, которые установились практикой в советской научной литературе при сравнении, в частности, мощи трех центров империализма. В качестве набора индикаторов обычно берутся ВВП (или ВНП), доля государства в мировом промышленном производстве, в сельском хозяйстве, годовая выработка продукции на одного занятого, расходы на НИОКР, вооружение и т. д. Такой набор показателей достаточен в тех случаях, когда сравниваются страны, похожие друг на друга по общему уровню развития, т. е. либо развитые, либо развивающиеся, но не первые со вторыми.

Но мощь, как уже говорилось, это еще не сила. Когда же она появляется? В «Диалектике природы» Ф. Энгельс писал: «Сила измеряется ее проявлением»⁴². Но проявляет, возбуждает, вызывает силу «какая-нибудь деятельность», в нашем случае — политическая. Следовательно, мощь, будучи основанием силы или, еще лучше, ее вещественной субстанцией, сама по себе еще не сила, но таит в себе силу. (Здесь нет никакой мистики. Вспомним, например, данное в «Капитале» понятие прибавочной стоимости, которая, содержащаяся в новом товаре, сама по себе и капитал, и еще не капитал. А также: «Капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»⁴³). Последняя же свои сущностные качества раскрывает в обращении, в политическом пространстве. Что же ее раскрывает, или, по словам Гегеля, что ее «обуславливает»?

Обуславливают эту силу действия встречных, сопротивляющихся ей политических сил. Причем их «встреча» возможна только при наличии антагонистических противоречий между ними, разрешение которых происходит за счет борьбы. Поэтому их

взаимодействие отнюдь не означает простого сложения сил, изображенного, например, в виде «параллелограмма сил». Поскольку это взаимодействие происходит на основе борьбы, постольку входящие или первоначальные силы меняют свое состояние или, как крайний вариант, взаимоуничтожаются. В последнем случае, как писал Ф. Энгельс, «понятие „сила” оказывается здесь, таким образом, у границы своего употребления»⁴⁴. Завершив свое первоначальное движение, силы, а точнее, их взаимодействие порождает новое качественное состояние, которое определяется категорией соотношения сил. О первоначальной силе мы можем судить по результатам борьбы, в чью пользу изменилось соотношение сил, т. е. индикатором «победы» первоначальной или входящей силы является ее способность изменять структуру политических отношений внутри государства или на международной арене.

Что же является «объективным мерилom силы» (В. И. Ленин) в конкретно-исторических условиях?

Самым простым способом ее обнаружения являются результаты войны. В. И. Ленин в 1915 г. писал: «Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны»⁴⁵. Таким образом, она проверялась в течение тысячелетий. В нынешних исторических условиях война между двумя системами уже не может быть «мерилом» силы, поскольку разрушительные возможности сторон таковы, что в случае ее возникновения будет поставлено под угрозу само существование человеческой цивилизации.

Следовательно, единственным критерием в определении силы между социализмом и империализмом может служить тенденция *изменения* в их соотношениях на мировой арене. Само соотношение складывается из множества переменных факторов, многие из которых сегодня действуют в одном направлении, завтра — в другом. Но сколь ни велико количество факторов и сил в мире, все они в конечном счете поляризуются при столкновении с тремя основными противоречиями современности, которые сводятся к противоречиям между социализмом и империализмом, национально-освободительным движением и неокOLONиализмом, мировым рабочим и коммунистическим движением и империализмом. Таким образом, на одной стороне этого соотношения группируются силы социалистических стран, национально-освободительного и мирового рабочего и коммунистического движения, на другой — силы империализма и его союзников.

Вместе с тем борьба с мировым социализмом за историческое выживание одновременно сопровождается не менее острой борьбой между крупными капиталистическими державами за лидерство в самой системе империализма. Пружинной внутрисистемной борьбы выступает вскрытый В. И. Лениным и подтвержденный исторической практикой закон неравномерного развития капитализма, который к началу 70-х годов привел к образованию трех центров межимпериалистического соперничества.

И здесь мы вновь возвращаемся к Японии. Напомним, что западные политологи наделяют этот «центр» «силовыми» качествами, исходя из того, что экономическая мощь равна политической силе государства. Действительно, мы можем с той или иной долей уверенности предполагать, что государство, располагающее большей мощностью, будет обладать, по крайней мере потенциально, и большей силой. Но в соответствии с вышеизложенным сила обнаруживается в политическом взаимодействии. А раз так, то каким образом оценивать силу государства, оказавшегося в «самоизоляции»? Примером может служить Япония в эпоху Токугава (1603 — 1868), когда она практически не соприкасалась с внешней средой. Внешнеполитические действия той же Японии в сфере «чистой» политики после второй мировой войны, даже по признанию ее лидеров, носили вялый, пассивный характер и не соответствовали экономической мощи страны. Только в начале 80-х годов официальные лица в Токио возвестили о намерении добиться того, чтобы политическая и военная роль Японии в мире стала адекватной ее экономическому потенциалу. В этой связи, как представляется, следует осторожно относиться к выводам западных ученых о трех центрах «силы» в капиталистическом мире. Эта оценка может быть признана отчасти верной, если иметь в виду экономическую мощь центров, да и то с некоторыми оговорками. Экономические показатели, которые в этом случае приводятся, говорят только об экономических потенциалах США, Западной Европы и Японии; сила же проявляется в экономической политике. В этом смысле представляется правомерным и научно обоснованным говорить о трех центрах экономического соперничества, или о трех центрах межимпериалистической борьбы, — вывод, сделанный еще на XXIV съезде КПСС.

Но здесь речь шла о 70-х годах. В начале 80-х годов появились новые моменты во внешней политике Японии, о которых речь пойдет позже. Но перед этим необходимо выявить вес Японии в рамках трех центров империализма путем анализа экономической мощи, которой она обладала в 70-е годы.

Япония как один из трех центров экономического могущества империализма⁴⁶

Распад колониальных империй делает маловероятными военные конфликты за передел территорий между империалистическими центрами. Ныне захватнические войны с прямой аннексией были бы войнами, направленными своим острием не столько против капиталистических соперников, сколько против освободившихся стран. Таким образом, в условиях, когда уже нельзя решать межимпериалистические противоречия с помощью военной силы, на первый план выдвигаются невоенные средства борьбы за раздел «хозяйственной территории», т. е. за рынки сбыта товаров и капиталов, за источники сырья. Следовательно,

выявление экономических позиций Японии в рамках трех центров империализма позволит определить ее относительный потенциал, ее базовый ресурс, на который она опирается в межимпериалистической борьбе, в своей внешней политике.

Неравномерность хозяйственного развития центров империализма определяется прежде всего различными темпами их экономического роста, зависящими от условий воспроизводства капитала в отдельных странах, и долговременной конъюнктурой в мировом капиталистическом хозяйстве. Оставляя в стороне анализ причин изменения в соотношениях экономических потенциалов трех центров империализма, который достаточно подробно и тщательно проделан советскими экономистами, выделим некоторые основные показатели, определяющие позиции Японии в капиталистической системе (табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Среднегодовые темпы прироста ВВП
и промышленного производства,
%**

Годы	США	ЕЭС	ФРГ	Япония
ВВП*				
1961—1970	3,9	4,7	4,7	9,9
1971—1980	3,1	2,9	2,8	4,8
1981	3,0	-0,2	0,3	4,0
1982	-2,4	-0,1	1,9	3,3
Промышленное производство				
1961—1970	5,0	5,2	5,3	13,4
1971—1980	3,2	2,3	2,1	4,4
1981	2,7	-2,2	-1,3	1,0
1982	-8,2	-1,6	-2,5	0,4

* Для ЕЭС и ФРГ — ВВП.

Таблица 2

**Доля трех центров империализма в ВВП
и в промышленном производстве стран ОЭСР,
%**

	1970 г.		1980 г.	
	ВВП	Промышленное производство	ВВП	Промышленное производство
США	39	36	38	33
ЕЭС	35	38	33	36
ФРГ	11	15	10	14
Япония	11	13	14	16

Из табл. 1 и 2 видно, что, хотя приросты ВВП и промышленного производства Японии в 70-е годы стали значительно умереннее по сравнению с 60-ми годами, все же их темпы опережали аналогичные показатели США и ЕЭС.

По прогнозам, такая тенденция сохранится и в 80-е годы, хотя разрыв окажется уже менее значительным. Япония, таким образом, фактически вступила в стадию умеренного экономического роста, в результате чего ее относительная мощь в рамках трех центров не претерпит качественных изменений.

Несмотря на изменение в соотношениях конечной общественной продукции в пользу Японии на протяжении двух десятилетий, необходимо иметь в виду, что как по ВВП, так и в объеме промышленного производства дальневосточный центр империализма уступает США и ЕЭС в 2—3 раза. Приведенные макропоказатели экономического потенциала Японии фактически соизмеримы с одной страной Общего рынка — ФРГ. При этом картина существенно изменится не в пользу Японии, если сравнивать не абсолютные, а относительные величины. Достаточно сказать, что по национальному доходу на душу населения Япония к концу 70-х годов занимала 15-е место в капиталистическом мире. Впрочем, относительные показатели в большей степени имеют значение с точки зрения внутривнутриполитической ситуации в стране; в сфере внешней политики более важную роль играют абсолютные величины. Так, психологический эффект производит тот факт, что Япония по ряду отраслей производства занимает передовые позиции в капиталистическом мире, в том числе в судостроении, по выпуску видеомагнитофонов, станков с ЧПУ, бытового электрооборудования, конторской техники, стали и стальных труб, автомобилей. С начала 1980 г. Япония все более опережает США и страны ЕЭС, вместе взятые, по производству роботов.

Япония проявила высокую адаптивность к кризисным ситуациям в капиталистическом мире после первого «нефтяного шока» в 1973 г. Хотя темпы роста экономики резко затормозились у всех трех центров, Япония, как видно из приводимых данных, продолжала развиваться быстрее своих конкурентов (%):

Темпы роста ВВП	Япония	США	ЕЭС
1967—1973	9,5	3,5	5,0
1973—1980	3,8	2,1	2,2
Промышленного производства			
1967—1973	11,1	4,4	6,1
1973—1980	3,7	1,7	1,5

Такое положение вносило добавочную «стоимость» в оценку японской внешней политики.

Многие авторы склонны объяснять довольно высокие темпы роста японской экономики относительно своих конкурентов низкими оборонными расходами. Однако, как нам представляется, правы те авторы, которые исходят из того, что этот фактор мог

бы существенно повлиять на темпы экономического роста только при низкой норме накопления капитала. При высокой же норме накопления, составлявшей в годы быстрого экономического роста Японии примерно 30 % ВВП, влияние низких расходов на оборону было незначительным.

Истоки эффективности и гибкости японской экономики заложены в результативности общественного производства, которое в немалой степени определяется производительностью труда и фондоотдачей. Если взять за базу 1960 г., то в 1980 г. индекс общественной производительности труда (отношение ВВП в неизменных ценах к общему числу занятых) составил: в Японии — 394, ФРГ — 213, Англии — 154, США — 136. Однако после нефтяного кризиса 1973 г. в Японии произошло снижение среднегодовых темпов производительности труда даже в сравнении с ФРГ. В 1974 — 1979 гг. в экономике в целом они были равны соответственно 3,05 и 3,15 % (у США — 0,1 %). В промышленности они практически совпали и составили соответственно 3,25 и 3,3 % (США — 1,25 %), в то время как в 1961 — 1970 гг. Япония значительно опережала ФРГ и США: в экономике ежегодный прирост производительности труда был равен соответственно 9,2; 4,6; 2,3 %; в промышленности — 11,1; 2,8; 3,1 %. Как видно из приводимых ниже данных, к концу 1979 г. Япония так и не смогла достигнуть уровня производительности труда в важных отраслях экономики США, ФРГ и Франции, незначительно превысив уровень последних двух стран только в обрабатывающей промышленности:

	Япония	США	ФРГ	Франция
Экономика в целом	100	157	139	141
Обрабатывающая промышленность	100	107	99	98
Торговля и сфера услуг	100	154	124	136
Сельское, лесное хозяйство и рыболовство	100	412	163	222

Японские монополии, не удовлетворенные сложившейся во второй половине 70-х годов экономической ситуацией, подготовили комплекс мероприятий, воплотившийся в административно-финансовой реформе, призванной обеспечить если не былые, то по крайней мере опережающие другие капиталистические страны темпы развития японской экономики. В рамках намеченной в конце 70-х годов реиндустриализации особое место должно было занять наукоемкое производство, опирающееся на результаты новой фазы научно-технической революции.

Уровень научно-технического развития является в современном мире важнейшим агрегатным индексом, отражающим как общее состояние экономики, так и прежде всего перспективу ее развития. Известно, что в 50 — 60-е годы по этому показателю Япония значительно отставала от своих конкурентов. Так, если принять за основу индекс научно-технического прогресса, учитывающий число патентов и лицензий, зарегистрированных внут-

ри страны и за рубежом, объем торговли техническими знаниями, размеры добавленной стоимости в экономике, величину экспорта наукоемкой продукции, то окажется, что, хотя Япония и увеличивала свой потенциал в этом направлении, она не сумела опередить ФРГ, не говоря уже о США. Об этом говорят следующие данные по уровню научно-технического прогресса (США-100):

	Вторая половина 60-х годов	Первая половина 70-х годов
ФРГ	40,4	49,4
Япония	22,2	41,0

В определенной степени такое отставание было вызвано низким уровнем затрат Японии на НИОКР. Если в 1961 г. США затратили на НИОКР 18,7 млрд. долл. (в ценах 1970 г.), то у Японии и ФРГ эти затраты составили соответственно 1,04 млрд. и 1,62 млрд. долл. Причем ФРГ по темпам и абсолютным затратам на НИОКР опережала Японию и в 60-е годы. В 1970 г. они составили в ФРГ 4,0 млрд. долл., а в Японии — 3,3 млрд. долл. (США — около 26 млрд. долл.). Подобная тенденция сохранялась до конца 70-х годов. Однако уже с 1981 г. Япония уверенно стала обходить ФРГ в расходах на НИОКР: в 1980 г. они составили для Японии — 20,7 млрд. долл., для ФРГ — 21,6 млрд., для США — 61,1 млрд. долл., в 1981 г. соответственно 24,3; 18,3; 69,1 млрд. долл. К началу 80-х годов Япония почти ликвидировала свое отставание от западных стран в доле расходов на НИОКР в национальном доходе, которая составила 2,4 % против 2,6 % в США, 2,6 в ФРГ, 2,5 в Англии, 2,0 % — во Франции. Сблизившись или даже догнав по техническому уровню и по возможностям технических разработок большинство империалистических государств, Япония существенно отстает по этим показателям лишь от США.

Крайне важной отличительной чертой Японии, позволившей ей добиться такого положения, является ее способность быстро внедрять в производство последние новинки в области науки и техники. Так, если для США и ФРГ продолжительность освоения результатов НИОКР в 1953—1973 гг. составляла соответственно 7,3 года и 5,6 года, то для Японии она была равна 3,5 года ⁴⁷.

Накопленный за короткий срок потенциал в области науки и техники позволил Японии начать широкомасштабный экспорт наукоемкой продукции. Доля последней в японском экспорте за 1970—1979 гг. выросла на 411 %, в американском же — лишь на 27,8 %, а в целом по странам ОЭСР — на 55,7 %. При этом около 40 % наукоемкой продукции Японии направляется в США, 15 % — в страны ЕЭС, тогда как на долю Японии приходится всего 1 % аналогичной продукции из стран Общего рынка ⁴⁸.

В начале 80-х годов Япония сделала значительный рывок в сфере производства роботов и создания нового поколения сверх-

сложных компьютеров. С 1971 по 1981 г. выпуск роботов увеличивался в среднем на 38 % в год. В результате из 20 268 роботов высшего класса, установленных в мире на конец 1980 г., на долю Японии приходилось 14 тыс. (69 %), США — 3255 (16,1 %), ФРГ — 850, Италии — 500, Франции — 200, Англии — 185⁴⁹. Но уже к концу 1982 г. в Японии использовалось 32 — 34 тыс. роботов, в американской промышленности — 6301⁵⁰. По прогнозам японских экономистов, в 1985 г. в Японии будет выпущено 50 тыс. роботов, а к 1990 г. — 90 тыс. в год. При этом они будут обслуживаться ЭВМ пятого поколения, в 100 — 10 000 раз превышающими объем памяти ныне существующих ЭВМ и работающими в 10 — 100 раз быстрее.

Практика показала, что темпы расширения парка ЭВМ превышают оценочные прогнозы. Если к началу 1980 г. общий парк ЭВМ (без микро-ЭВМ) распределялся в пропорциях: США — 280 тыс. шт., Япония — 45 тыс., ФРГ — 29 тыс., Франция — 24 тыс., Англия — 20 тыс., Италия — 12 тыс. шт., то на конец 1982 г. парк ЭВМ Японии достиг 110,4 тыс. шт., хотя, по прогнозам, он должен был составить 107 тыс. шт. только в 1985 г. и 120 — 125 тыс. в 1990 г.

Позиции Японии на мировом рынке ЭВМ еще значительно уступают даже одной американской компании «ИБМ», правда самой крупной в капиталистическом мире, доля которой в 1982 г. составляла 60 %. На долю же японских производителей ЭВМ приходилось 15,4 %. Однако еще со второй половины 70-х годов Япония по этому показателю опережала ФРГ и Англию, а по объему производства находилась на одном уровне с ЕЭС в целом⁵¹. Среди капиталистических стран (исключая США) только Япония является страной, которая обеспечивает более половины внутреннего спроса на ЭВМ за счет собственного производства.

Целенаправленные усилия правящих кругов Японии, имеющие целью превращение страны в «мозговой центр» империализма, несмотря на неблагоприятную экономическую конъюнктуру в капиталистическом мире, позволяли оставаться Японии наиболее конкурентоспособной страной среди своих партнеров-соперников. К такому выводу пришли авторы Доклада европейского форума по проблемам управления на основе анализа 240 критерияльных индикаторов (из них 180 — объективные показатели, 60 — субъективные, оценочные), с помощью которых определялась промышленная конкурентоспособность⁵². Эти данные распределялись по 10 основным блокам: 1 — динамизм экономики, 2 — промышленная эффективность и издержки производства, 3 — динамика рынка, 4 — финансовый динамизм, 5 — человеческие ресурсы, 6 — роль государства, 7 — инфраструктура, 8 — внешняя ориентация, 9 — передовая ориентация, 10 — социально-политическое согласие и стабильность. На основе таких данных и показателей авторы Доклада пришли к выводу, что Япония занимает 1-е место в блоках 1, 2, 9; 2е- место — в блоках 5, 8, 10;

Т а б л и ц а 3

Соотношение мощи трех центров империализма *

	1970 г.				1980 г.			
	США	ЕЭС	Япония		США	ЕЭС	Япония	
			в том числе	ФРГ			в том числе	ФРГ
Территория, млн. кв. км	9,4	1,5	0,25	0,4	9,4	1,5	0,25	0,4
Население, млн. человек	204,9	276,9	59,5	104,7	220,6	269,9	61,4	115,9
Доля в суммарном объеме промышленного производства в странах ОЭСР, %	35,8	38,0	15,1	13,0	33,0	35,6	13,7	16,0
Доля в суммарном ВВП, %	38,8	34,9	10,8	11,4	37,9	33,2	10,4	14,2
ВВП, млрд. долл. (текущие цены)	981,0	621,8	210,3	200,0	2626,1	2441,8	781,3	1255,6
Внешнеторговый оборот, млрд. долл.	82,4	230,1	64,0	38,2	472,4	1390,3	381,0	269,7
Экспорт, млрд. долл.	42,6	112,4	34,2	19,3	216,7	662,0	193,0	129,2
Доля в экспорте капиталистического мира, %	15,2	39,9	12,2	6,9	11,8	36,1	10,5	7,1
Затраты на НИОКР, млрд. долл.	26,0	11,4****	4,0	3,3	62,0	35,0	12,5	18,3
Прямые военные расходы, млрд. долл.	73,6	26,4	8,3	1,9	131,4	79,1	14,6	7,5
Общая сумма золотовалютных резервов, за исключением золота, млрд. долл.**	3,4	19,1	3,6	4,3	19,0	101,4****	43,8	28,2
В том числе золота, млн. унций***	291,6	859,8	116,5	19,4	264,4	621,2	95,2	24,2
Объем прямых иностранных инвестиций, млрд. долл.	78,0	62,4	7,0	4,0	192,6	160,0	36,4	39,7

* Расчеты ИМЭМО АН СССР по данным статистики ООН и национальных статистик отдельных государств.

** За 1970 и 1981 гг.

*** За 1971 и 1981 гг.

**** ФРГ, Франция, Англия, Италия.

США же продолжали лидировать по показателям, сгруппированным в блоках 5, 7, и 2-е место — в блоке 8.

Обобщающая картина трех центров экономической мощи видна из табл. 3, но она не дает представления о характере мощи каждого из центров, который определяется степенью интегрированности с международной средой и зависимостью от этой среды.

Япония в системе мирохозяйственных связей. Анализ внешнеэкономических связей Японии позволит, во-первых, выявить степень интегрированности японской экономики в мировые хозяйственные отношения, во-вторых, определить основные направления внешней политики, поскольку зоны повышенного экономического интереса государства являются, как правило, одновременно и зонами повышенной политической активности, в-третьих, сравнить удельные веса регионов во внешнеэкономической деятельности США, ЕЭС, ФРГ и Японии, а значит, и наиболее важные объекты соперничества между ними, с одной стороны, сферы господства или доминирующего влияния того или иного центра империализма — с другой (табл. 4).

Из таблицы видно, что ежегодный прирост экспорта Японии был и остается значительно выше, чем у США, ЕЭС и ФРГ, хо-

Таблица 4

Темпы прироста реального объема внешней торговли и доля в мировом капиталистическом экспорте и импорте, %

Годы	США	ЕЭС	ФРГ	Япония
<i>Темпы прироста</i>				
<i>Экспорт</i>				
1961—1970	6,4	8,8	9,8	16,0
1971—1980	6,9	6,0	5,3	9,5
1981	-3,1	2,2	5,4	10,5
1982	-10,5	1,0	2,0	-1,8
<i>Импорт</i>				
1961—1970	8,3	8,9	11,6	15,0
1971—1980	4,5	5,2	5,4	4,4
1981	2,5	-3,7	-3,6	-2,0
1982	-3,5	2,5	0,5	0,2
<i>Доля</i>				
<i>Экспорт</i>				
1960	18,1	37,1	10,1	3,6
1970	15,2	39,9	12,2	6,9
1980	11,9	36,4	10,6	7,1
1983	12,3	...	10,4	9,0
<i>Импорт</i>				
1970	14,5	...	10,2	6,5
1980	13,8	...	10,1	7,6
1983	15,8	...	8,9	7,4

тя темпы в 70-е годы по сравнению с 60-ми существенно понизились. Подобная ситуация скорее всего сохранится и в 80-е годы.

В 1981 г. Япония заняла первое место среди 24 стран ОЭСР по экспорту широкого ассортимента товаров: легковых и грузовых автомобилей, радио- и телеаппаратуры, телевизоров, конторского оборудования, телекоммуникационного оборудования, видеомагнитофонов, электронного и электротехнического оборудования, труб, стального проката, фотоаппаратов, музыкальных инструментов, тканей из искусственных волокон, мопедов и велосипедов, оптических инструментов, судов, часов и игрушек. По 14 позициям она занимала второе и третье место.

Несколько по-иному выглядит импортная динамика. Резко опережающий прирост японского импорта в 60-е годы сменился снижением темпов по сравнению с основными конкурентами в 70-е годы и приблизительно уравнился с ними в 80-е годы. Это было вызвано не только обострившейся политической ситуацией в главной импортно-сырьевой зоне Японии — на Ближнем Востоке, но и политикой правящих кругов, нацеленной на снижение импортной зависимости за счет экономии потребления энергии в промышленности и в быту, которая довольно успешно осуществляется в рамках реиндустриализации Японии.

К началу 80-х годов Япония сделала скачок в накоплении золотовалютных резервов, по запасам уступающих только США и ФРГ. Если в 1960 г. уровень резервов для ФРГ, Японии и США составлял 7,0 млрд., 1,9 млрд. и 19,4 млрд. долл., а в 1970 г. — соответственно 13,6 млрд., 4,8 млрд. и 14,5 млрд. долл., то уже к 1980 г. сумма резервов трех стран была равна 52,3 млрд., 25,2 млрд. и 26,8 млрд. долл., т. е. Япония существенно подтянулась до уровня США.

При общем отставании от многих европейских государств и США в наличии резервов золота Япония сумела увеличить его запасы с 19,4 млн. унций в 1971 г. до 24,2 млн. унций в 1983 г. У США и ФРГ за эти годы произошло уменьшение золотых запасов соответственно с 291,6 млн. до 263,4 млн. и с 116,5 млн. до 95,2 млн. унций.

Возросшее могущество японских деловых кругов оказало влияние на перераспределение позиций среди банковских монополий трех центров. По данным журнала «Форчун», если в 1970 г. из 100 крупных банков мира 25 были американские и 19 — японские, то в 1983 г. уже японских банков было 25, а американских — 19.

Резко увеличились активы японских банков, как об этом свидетельствуют приводимые ниже данные о росте активов 25 крупнейших банков трех центров империализма (млрд долл.)⁵³:

	1972 г.	1980 г.	1982 г.
США	301	761	892
Западная Европа	330	1504	1488
Япония	240	1020	1175

Среди японских банков за границей по сумме активов лидируют «Дайити кангё» (108 млрд. долл.), «Фудзи гинко» (100 млрд. долл.), «Сумитомо гинко» (96,6 млрд. долл.), «Мицубиси гинко» (96 млрд. долл.)⁵⁴.

С начала 70-х годов Япония приступила к широкомасштабному вывозу капитала, по темпам опережая все развитые страны капитализма. Бурная активность в этом направлении внешнеэкономической деятельности была вызвана рядом причин. Во-первых, противодействие монополий США и стран Общего рынка торговой экспансии Японии вынуждало последнюю инвестировать капитал на территории этих государств для создания собственных или смешанных предприятий, что позволяло ей в определенной степени обходить различные таможенные ограничения и требования о «добровольном самоограничении». В результате если до начала 70-х годов сальдо взаимной торговли Японии с США и ЕЭС обычно было в пользу двух последних центров, то в 70-е и особенно в 80-е годы ситуация резко изменилась. Превышение японского экспорта над импортом в торговле с партнерами стало исчисляться миллиардами долларов. И хотя общая доля японских прямых капиталовложений в развивающиеся страны в 1951/52 — 1982/83 фин. годах превышала долю капиталов, вложенных в развитые капиталистические страны (в соотношениях 53,4 и 46,6 %), то со второй половины 70-х годов большая доля ежегодных инвестиций Японии приходится на развитые страны. Так, в 1980 г. их доля в японских капиталовложениях составила 55,8 %, в 1982 г. — 54,6 %.

Таблица 5

Объем заграничных прямых инвестиций трех центров и их доля в общих инвестициях за рубежом

	1971 г.		1981 г.	
	объем, млрд. долл.	доля, %	объем, млрд. долл.	доля, %
США	86,0	52,0	226,4	46,9
Западная Европа	62,0	37,7	224,1	42,7
В том числе ФРГ	6,6	4,0	37,3	7,7
Япония	4,5	2,7	46,4	8,8

Во-вторых, к началу 70-х годов возросла мощь японских монополий, которые превратились в транснациональные. Среди 500 крупнейших промышленных монополий капиталистического мира японские ТНК уже к 1973 г. заняли прочно 2-е место (после американских), причем их число продолжает расти. По данным журнала «Форчун», в «промышленный клуб 500» входят 142 американские ТНК, 134 японские, 87 британских, 59 западногерманских и 41 французская⁵⁵.

Наиболее обширной сетью заграничных филиалов обладают автомобильные компании Японии. Так, предприятия «Тоёта» действуют в 38 странах, «Ниссан» — в 22, «Тоё кигё» — в 16 странах. В целом на начало 80-х годов за границей функционировало 5,5 тыс. предприятий с участием японского капитала, на которых было занято 1,3 млн. человек⁵⁶.

Из табл. 5 видно, что за десятилетие Япония совершила большой скачок в накоплении капитала за рубежом, фактически уступая в объеме только капиталам США и Великобритании. Такой потенциал позволил к концу 70-х годов произвести продукцию на зарубежных предприятиях стоимостью, превышающей экспорт из Японии.

Об этом свидетельствуют данные об отношении стоимости продукции заграничных филиалов ТНК к стоимости экспорта трех центров (%):

Год	США	Западная Европа	Япония
1960	256	72	12
1973	415	85	80
1980	500	125	144

Ныне японские транснациональные банки хотя и уступают финансовой мощи банкам Западной Европы, но уже превосходят банки США. Так, по данным журнала «Бэнкер», из 500 крупнейших банков капитал трех центров представлен 318 банками (64 % всего числа банков), на долю которых приходится 5,2 трлн. долл. (75 %) из 6,9 трлн. долл. всех банковских активов. Из них банки США владеют 1,3 трлн. долл. (19%), Япония — 1,4 трлн. (20 %), Западной Европы — 2,5 трлн. долл. (36 %).

Приведенные данные свидетельствуют о высокой степени интеграции японских монополий, об их реальной силе в борьбе между тремя центрами экономического могущества. Такой статус позволяет им при желании бесконтрольно проводить именно ту политику, которая отвечает их «транснациональным» интересам и которая не всегда совпадает с официальным курсом страны базирования.

О точках соприкосновения торгово-экономических интересов, а значит, и «узлах противоречий» трех центров империализма, а также зонах доминирования каждого из них дает представление географическое распределение их прямых частных капиталовложений и структура внешней торговли (табл. 6 и 7). При этом необходимо учитывать данные табл. 5, из которой вытекает, что американский процент (т. е. доля в общих инвестициях за рубежом) «тяжелее» японского почти в пять раз, западногерманского — в шесть раз и приблизительно соответствует западноевропейскому.

Из табл. 6 видно, что зоной преобладающих интересов в сфере капиталовложений для США и стран Западной Европы, включая ФРГ, являются развитые капиталистические страны, а для Японии — развивающиеся. Правда, по объему инвестиций США

и Западная Европа преобладают над Японией и в «третьем мире», за исключением ЮВА, которая является сферой доминирования японских монополий даже с учетом «веса» процентов.

Таблица 6

Географическое распределение прямых частных капиталовложений трех центров империализма*, %

Регион и страна	США	Западная Европа	ФРГ	Япония
Развитые страны	75,1	74,0	78,6	44,6
Западная Европа	45,9	36,8	51,3	11,6
Северная Америка	20,6	26,3	23,5	27,1
Япония	3,2	1,8	1,2	—
Другие развитые страны	5,4	9,1	2,6	5,9
Развивающиеся страны	24,9	26,0	21,4	55,4
Латинская Америка	15,6	—	12,0	16,2
ЮВА	5,6	—	2,9	29,0
Океания	0,2	—	0,5	0,6
Африка	2,3	—	5,0	4,4
Ближний и Средний Восток	1,2	—	1,0	5,2

* Данные по США и Западной Европе — на конец 1982 г., по Японии — на конец марта 1982 г., по ФРГ — на конец 1979 г.

Таблица 7

Географическая структура внешней торговли трех центров империализма в 1981 г., %

	Развитые капиталистические страны.				Развивающиеся страны	Социалистические страны
	Всего	США	ЕЭС	Япония		
<i>Экспорт</i>						
США	57,1	—	21,5	9,4	39,4	3,5
ЕЭС	76,9	7,2	51,6	1,2	19,6	3,5
Япония	48,8	25,7	12,4	—	44,9	6,3
<i>Импорт</i>						
США	54,7	—	16,6	15,0	43,9	1,4
ЕЭС	74,1	7,8	49,8	3,0	21,1	4,7
Япония	33,9	17,0	5,7	—	60,8	5,3

Вместе с тем соотношение сил по капиталу приблизительно равно у США и европейских государств в Западной Европе, а у Японии и ФРГ — в Северной Америке (главным образом в США). Примерное равенство капиталов в этих регионах превращает их в зону острой конкурентной борьбы. Намечается также усиление такой борьбы между Японией и ФРГ в Африке, где постепенно происходит укрепление японских позиций в сфере ка-

питаловложений. Хотя в Латинской Америке преимущества США над Японией, несмотря на почти одинаковую процентную долю, очевидны, тем не менее и этот регион, занимающий третье место по значимости в сфере приложения японских капиталов, может в перспективе превратиться в арену соперничества между североамериканским и дальневосточным центрами империализма.

Распределение экспорта по блокам стран (см. табл. 7) показывает, что, хотя большая его часть приходится на развитые капиталистические страны, их доли существенно отличаются для каждого из центров: для ЕЭС она составляет более $\frac{3}{4}$ всего экспорта, для США — несколько более $\frac{1}{2}$, для Японии — немного меньше $\frac{1}{2}$. Такая структура означает, что развивающиеся страны для США и Японии с точки зрения рынков их экспорта имеют большее значение, чем для Сообщества. Следовательно, тесное соприкосновение интересов японских и американских монополий в «третьем мире» делает и более острым характер их взаимоотношений в этой зоне. В еще большей степени подобная взаимосвязь обнаруживается в импортной доле развивающихся стран для торговли соперников. И хотя здесь, как и в сфере капиталовложений, существуют регионы единоличного господства каждого из центров империализма (в Латинской Америке доминируют Соединенные Штаты, в Африке — страны ЕЭС, в ЮВА — Япония), неуклонное укрепление позиций Японии не в «своих» зонах встречает жесткое противодействие со стороны двух других центров.

Внедрение японских монополий в мировую экономику и создание глобальной сети экономической инфраструктуры было очевидно еще в начале 70-х годов. Однако ныне резко увеличилась «масса» экономического охвата Японией регионов и стран, которую можно определить как абсолютную величину стоимости инвестиций и товарооборота, в результате чего резко возросла прибыльность от внешнеэкономической деятельности. По капиталовложениям Япония ныне уступает только США и Великобритании, по товарообороту, продолжая уступать США, она вплотную подошла к объему торговли ФРГ (в 1984 г. общий объем японской торговли впервые превзошел отметку 300 млрд. долл.).

Между «массой» внешнеэкономической деятельности стран и характером противоречий между ними существует определенная закономерность: чем ближе «массы» каждого из трех центров к равенству, тем более остры противоречия между соперниками. Эта закономерность вытекает из логики отношений в капиталистической системе: капитал не терпит равенства, он стремится к господству, требует подчинения. Не случайно, где существует единоличное доминирование того или иного центра; менее остры и противоречия между ними. Наиболее же острые конфликты происходят в тех зонах или по тем направлениям, где существует примерное равенство сил, которое обнаруживается прежде всего в рамках общения внутри самого «стратегического треугольника». Дальнейшее выравнивание сил в экономике трех

центров неизбежно будет вести к ужесточению борьбы между ними. При этом паритет может быть только временным, неравенство — постоянным. Этот вывод соответствует закону неравномерного развития капитализма.

Пока что по абсолютной «массе» внешнеэкономической деятельности Японии безусловно уступает другим центрам империализма, но это не снижает остроту противоречий, если учесть, что она концентрирует свои усилия на немногих участках борьбы, что позволяет ей довольно успешно побивать на этих участках своих конкурентов.

Долю регионов и стран, а также динамику их значимости на шкале торговых приоритетов показывают табл. 8 и 9.

Таблица 8

Географическая структура торговых связей Японии, %

Регион и страна	1971 г.	Регион и страна	1983 г.
		Экспорт	
Северная Америка	34,8	Северная Америка	31,6
ЮВА	23,9	ЮВА	23,5
в том числе страны АСЕАН	9,5	в том числе страны АСЕАН	10,2
Западная Европа	14,0	Западная Европа	15,7
Африка	8,6	Западная Азия	10,8
Латинская Америка	6,6	Социалистические страны	6,0
Социалистические страны	4,8	Латинская Америка	4,3
Страны Тихого океана	4,0	Африка	4,0
Западная Азия	2,9	Страны Тихого океана	3,9
		Импорт	
Северная Америка	30,3	Западная Азия	26,5
ЮВА	17,3	Северная Америка	23,0
в том числе страны АСЕАН	10,0	ЮВА	22,1
Западная Азия	14,9	в том числе страны АСЕАН	13,7
Страны Тихого океана	10,4	Западная Европа	8,7
Западная Европа	10,3	Страны Тихого океана	6,4
Латинская Америка	6,8	Социалистические страны	5,5
Африка	5,0	Латинская Америка	5,1
Социалистические страны	4,8	Африка	2,6

Данные табл. 8 свидетельствуют об определенной эволюции значимости регионов во внешнеторговых операциях Японии. Хотя доля Северной Америки и ЮВА в общем объеме японского экспорта остается по-прежнему весьма высокой, тем не менее наблюдается относительное снижение удельного веса названных регионов за счет скачкообразного увеличения роли стран Ближнего Востока, перешедших с восьмого на четвертое место. Появившаяся в 70-е годы тенденция увеличения относительного ве-

са ЮВА и особенно Ближнего Востока в совокупном импорте Японии скорее всего сохранится и в 80-е годы, в то время как экспорт будет прежде всего ориентирован на промышленно развитые страны капитализма. Это вполне естественно, поскольку наукоемкие товары (вычислительная техника, компьютеры, станки с ЧПУ и т. д.) могут поглотить только рынки развитых государств.

Обращает на себя внимание увеличение доли социалистических стран в экспорте и импорте Японии. Подобный рост произошел главным образом за счет бурного развития японо-китайских экономических отношений.

Несмотря на некоторые изменения во внешнеторговых ориентирах Японии (это касается прежде всего второй части табл. 8), в целом сохраняется устойчивость в распределении регионов на шкале приоритетов.

Таблица 9

Торговые приоритеты Японии по странам, 1983 г., %

Страна, территория	Экспорт	Страна, территория	Импорт
США	29,1	США	19,5
Саудовская Аравия	4,6	Саудовская Аравия	12,3
Южная Корея	4,1	Индонезия	8,3
ФРГ	4,0	Арабские эмираты	6,2
Гонгонг	3,6	Австралия	5,3
Тайвань	3,5	КНР	4,0
Англия	3,4	Канада	3,5
КНР	3,3	Иран	3,3
Сингапур	3,0	Южная Корея	2,7
Австралия	2,9	Малайзия	2,5

Как видно из табл. 8, в начале 80-х годов, как и в начале 70-х годов, главными объектами торговой политики Японии остаются Северная Америка, ЮВА, Западная Европа и Ближний Восток. Если же говорить о странах, которым Токио придает особое значение в политике, то ими являются те государства, на которые падает львиная доля японской торговли. На долю приведенных в таблице десяти стран приходится 61,5 % всего японского экспорта и 67,6 % японского импорта (табл. 9).

Внешнеэкономическая деятельность Японии, ее приоритеты указывают на основные направления внешней политики Токио. Однако «физический объем» отношений только фиксирует сферы экономических интересов на международной арене и зоны соперничества с другими центрами империализма. Характер же этих интересов, который имеет непосредственное отношение к экономическим потребностям самой Японии и определению направления ее внешней политики, будет рассмотрен в следующем разделе.

Экономические интересы во внешней политике Японии. Превращение Японии в крупнейшую экономическую державу, сопровождавшееся усилением ее позиций в экономике капиталистических стран, было связано с одним отрицательным фактором — резко возросшей зависимостью страны от внешней среды. Правда, некоторые ученые, как, например, высокопоставленный дипломат, специалист по экономическим проблемам Н. Акая, считают подобную зависимость естественным результатом интернационализации мирохозяйственных связей и предпочитают говорить о «взаимозависимости»⁵⁷. Конечно, в нынешнюю эпоху все или почти все страны так или иначе зависят друг от друга. Но весь вопрос в том, какова *степень и характер* этой зависимости. Совершенно очевидно, что зависимость некоторых стран социализма от поставок сырья из СССР носит качественно иной характер, чем зависимость, скажем, Канады от США. Кардинально по-иному ощущают зависимость по тем или иным позициям США, СССР, КНР, хозяйственные комплексы которых в принципе в состоянии функционировать без взаимодействия с внешней средой, что практически невозможно для Японии.

Другими словами, без анализа проблемы «зависимости» или «экономической безопасности», которая определяет внешнеэкономические интересы Японии, нельзя понять ни одного из направлений внешней политики этой страны. Способы и формы обеспечения «экономической безопасности» будут рассмотрены в следующей главе в разделе о «комплексном обеспечении национальной безопасности»; здесь же определим степень и характер зависимости и взаимозависимости Японии от внешнего мира, в сравнении с США и странами Общего рынка, прежде всего, с ФРГ.

Из четырех аспектов, из которых складывается внешнеэкономическая деятельность государства (политических, коммерческих, натуральных и стоимостных), к проблеме зависимости прямое отношение имеют прежде всего аспекты стоимостные и натуральные.

Степень стоимостной зависимости экономики от внешней торговли принято определять через соотношения объемов экспорта и импорта в ВВП страны.

Таблица 10

Степень зависимости экономики от внешней торговли, % к ВВП

Страна	1970 г.		1983 г.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Япония	9,8	9,7	12,7	10,9
США	4,4	4,3	6,1	8,2
ФРГ	18,3	16,0	25,9	23,4

Из табл. 10 видно, что на внешних рынках Японии реализуется около $\frac{1}{13}$ части создаваемой ежегодно новой стоимости, что само по себе имеет громадное значение для японской экономики. Но еще большую роль для Японии играют натуральные аспекты внешнеэкономических связей. Как известно, стоимостный состав определяется по принципу средних величин, т. е. величин, усредненных на основе учета затрат труда. «Натуральный же состав определяется по принципу величин предельных, т. е. с учетом снижения или повышения полезности каждой следующей единицы, причем степень изменения полезности товаров различна», — пишет советский экономист Я. А. Певзнер⁵⁸.

Для Японии, фактически не обладающей собственными топливно-сырьевыми ресурсами, натуральный фактор зависимости имеет жизненно важное значение. Представление о степени зависимости и ее эволюции от внешней среды дает табл. 11⁵⁹. Из таблицы видно, что зависимость Японии от внешних энергорес-

Таблица 11

Зависимость Японии, США и ФРГ от внешних источников энергосырья и металлов, % к общему потреблению

	Япония		США		ФРГ	
	1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.
Общая энергетическая зависимость	71,2	83,5	7,1	12,3	37,1	52,1
Уголь	27,4	82,9	10,3	+16,9*	9,7	+0,6*
Сырая нефть	99,1	99,8	11,9	32,9*	89,5	94,7*
Природный газ	0,0	91,4	2,7	4,1*	1,2	65,4*
Железная руда	91,9	99,7	31,5	23,8	83,5	96,7
Медь	80,9	95,9	51,8	31,4	99,8	99,8
Свинец	61,1	87,0	65,7	52,7	73,5	91,1
Цинк	43,1	61,2	51,0	58,8	49,8	71,3
Олово	94,3	98,4	100,0	100,0	100,0	100,0
Алюминий	100,0	100,0	53,0	96,9	99,4	100,0
Никель	100,0	100,0	90,5	96,9	100,0	100,0
Деловая древесина	32,1	64,3	5,7	1,2*	32,8	20,7*

* 1981 г.

сурсов превосходит аналогичную зависимость ФРГ и особенно США, хотя уровень импортной зависимости в минеральном сырье у Японии и ФРГ почти совпадает. Это означает, что современная Япония зависит от импорта не на $\frac{1}{11}$ часть, как следует из стоимостных данных, а полностью, поскольку прекращение импорта привело бы к параличу всего процесса воспроизводства. Следовательно, и роль экспорта сводится не только к реализации части стоимости, но выступает в качестве средства накопления валюты для международных расчетов.

В конце 70-х годов монополии и правительство Японии приступили к реализации разработанных после нефтяного кризиса 1973 г. широкомасштабных мероприятий по снижению доли нефти за счет альтернативных энергоисточников, а также за счет экономии доли нефти в энергобалансе страны, намереваясь довести ее к 1990 г. до 50 % против 73,3 % в 1977 г. В то же время намечено увеличить долю угля до 18 % (в 1977 г. — 15,7 %), природного газа до 10 % (3,5 %), гидро- и атомной энергии до 22 % (7,5 %). И тем не менее в соответствии с долгосрочным прогнозом Центра по развитию комплексных исследований (НИРА) доля нефти хотя и будет понижаться, что наблюдается уже сейчас, абсолютное потребление возрастет до 437,5 млн. т в 1985 г. и 555,8 млн. т в 2000 г. против 390 млн. т в 1980 г.⁶⁰. При этом снижение доли нефти не будет означать уменьшение зависимости от внешней среды, поскольку и альтернативные энергоресурсы (уголь, газ, уран и т. д.) также импортируются извне.

Другой особенностью японской экономики является то, что Япония среди развитых капиталистических государств находится на последнем месте по самообеспечению продовольствием. Это связано с рядом объективных причин, в частности с тем, что в стране всего лишь 14 % площади пригодно для земледелия и в то же время произошел резкий отток сельского населения в города после аграрной реформы 1960 г. Достаточно сказать, что та площадь, на которой в США выращиваются сельскохозяйственные культуры для поставки в Японию, превышает площадь пахотных земель самой Японии⁶¹. В результате она стала с 1975 г. самым крупным среди других капиталистических стран импортером сельскохозяйственной продукции, ежегодно закупаящей примерно 25 млн. т сельскохозяйственных товаров. В 1980 г., например, Япония импортировала продовольствия и кормов на 14,7 млрд. долл., а в 1983 г. — на 25,5 млрд. долл. По данным правительственного Агентства экономического планирования, в 1979 г. Япония обеспечивала себя зерновыми на 33 %, бобовыми — на 8 %, молоком и молочными продуктами — на 87 %, мясом — на 80 %, в целом продуктами питания — на 72 %⁶².

Низкий уровень обеспеченности сырьевыми, минеральными и продовольственными ресурсами превратил Японию в крупнейшего импортера капиталистического мира. Так, в 1981 г. Япония занимала первое место в импорте пшеницы (10,8 % от мирового капиталистического импорта), кукурузы (25,1), балансов и щепы (44,5), деловой древесины (56,3), хлопка (26,0), шерсти (18,3), железной руды и концентратов (40,1), угля (34,1), природного газа (24,7), алюминия (15,7). По семи товарным позициям она занимала второе и третье место.

Из приведенных в табл. 12 данных видно, что США зависят от внешней среды значительно меньше, чем Япония и ФРГ. Зависимость же последней по стоимостным величинам даже выше,

Таблица 12

Зависимость Японии, ФРГ и США от внешних источников сельскохозяйственного сырья и продовольствия

	Япония		ФРГ		США	
	1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.
Шерсть	99,8	100,0	94,4	90,1	35,2	27,7
Хлопок	100,0	100,0	100,0	100,0	+113,8	+104,0
Соевые бобы	91,9	95,1	100,0	100,0	+37,0	+70,0
Кукуруза	98,5	100,0	92,5	61,3	+12,0	+29,8
Пшеница	80,6	88,0	22,7	+0,3	+72,9	+119,2
Говядина	11,0	28,0*	9,2		3,8	

* 1983 г.

чем у Японии. Тем не менее для последней характер зависимости значительно острее, чем для европейских государств, включая ФРГ. Страны Западной Европы разрешают проблемы, связанные с высокой степенью зависимости их хозяйств от внешней торговли, в основном непосредственно в прилегающих регионах или на близлежащих рынках сырья и сбыта. Достаточно сказать, что основными торговыми партнерами для ФРГ являются другие страны Западной Европы, на которые приходилось в 1982 г. 65 % западногерманского экспорта и 68,7 % импорта.

Для Японии же фактором экономической уязвимости является географическая разбросанность и удаленность от регионов, откуда она черпает необходимое сырье и куда сбывает свою экспортную продукцию. Это ставит ее в невыгодное положение по сравнению с европейскими государствами. В 1970 г. объем морских перевозок Японии равнялся 478 млн. т, в 1981 г. объем только импортируемой продукции достигал 613 млн. т, а экспортируемой — 84 млн. т, что составляло около 20 % совокупного мирового объема морских перевозок. Поэтому значение морских коммуникаций для страны приобретает, как считают в Токио, «стратегический характер».

Уязвимость Японии усугубляется проблемой технологической зависимости от других развитых капиталистических стран. Безусловно, степень такой зависимости в связи с увеличением расходов на НИОКР значительно уменьшилась. Так, если доля продукции и обрабатывающей промышленности, выпускаемой с помощью импортной технологии, в 60-е годы достигала 10 %, то к концу 70-х годов она составила 6—7 %⁶³. При этом следует учесть, что хотя сумма экспорта японской технологии и увеличилась с 1970 по 1981 г. почти в пять раз, а импорт в четыре раза, тем не менее кумулятивное соотношение доходов и расходов от торговли технологией у Японии остаются наихудшими не только в сравнении с США, но и с другими странами Западной Европы. В то же время необходимо иметь в виду, что баланс доходов и

расходов платежей Японии по новым технологическим сделкам с 1972 г. сводится с положительным сальдо.

В целом же ликвидация технологической зависимости от внешней среды увязывается правящими кругами с обеспечением «государственной безопасности и ее военным потенциалом».

Все изложенное выше позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Рост японской экономики в 70-е годы по абсолютным и относительным показателям происходил значительно меньшими темпами, чем в 60-е годы, но все же более быстрыми, нежели рост экономики двух других центров империализма.

В связи с заметным торможением процесса наращивания экономической мощи страны удельный вес ВВП и уровень промышленного производства Японии к концу 70-х годов остались относительно аналогичных параметров США и ЕЭС без существенных изменений по сравнению с началом 70-х годов.

Общий экономический потенциал Японии продолжает значительно уступать потенциалам США и стран Общего рынка. Он с небольшим опережением равен потенциалу ФРГ. Отсюда следует, что назвать Японию одним из «центров империализма» можно только условно, причем в категориях только экономических, а не политических, т. е. «мощи», но не «силы». Иначе с таким же основанием мы вправе были бы в качестве такого «центра» обозначить и ФРГ. В связи с этим вызывает сомнение научная правомерность сравнения потенциала Японии со всей Западной Европой (почему тогда не со всем миром?), что имеет место на страницах работ многих авторов как у нас, так и за рубежом.

Японская экономика в 70-х годах, особенно в конце этого десятилетия, в значительно большей степени, чем в 60-е годы, развивалась за счет внешнеэкономической деятельности. Это привело к тому, что монополии в своем стремлении к прибыли создали такую систему экономических связей, вне которых, как представляется, хозяйственный механизм Японии функционировать не в состоянии. Причем к зависимости от рынков развивающихся стран, откуда Япония в основном черпает энергоресурсы и минеральное сырье, добавилась резко возросшая зависимость от рынков самих развитых капиталистических государств. Значимость последних будет еще выше, если принять во внимание ускоренный процесс развития наукоемких отраслей, продукцию которых могут абсорбировать в ближайшей перспективе только высокоразвитые промышленные страны. Таким образом, стратегическая экономическая уязвимость от рынков сырья и минеральных ресурсов периода 70-х годов дополнится в 80-е годы аналогичной уязвимостью от рынков сбыта наукоемкой продукции. В результате внешнеэкономические интересы Японии приобретают качественно новые измерения в деятельности страны на международной арене.

В целом можно сказать, что по экономическому потенциалу — мощи — Япония сохраняет статус второй экономической державы в системе империализма, и скорее всего этот статус будет сохранен и в нынешнем десятилетии. Вместе с тем чрезвычайная зависимость от внешней среды, степень которой явно будет возрастать, ставит ее в положение самой уязвимой страны капиталистического мира. Следовательно, темпы и масштабы развития японской экономики находятся в прямой зависимости от общей международной обстановки. Этот фактор, казалось бы, должен определять жизненную заинтересованность Японии в сохранении и поддержании мира и стабильности в мире. На деле, однако, в правящем лагере к концу 70-х годов воцарились иные настроения, рассмотрению которых посвящается следующая глава.